

В. Минто

Логика

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В11

В11 **В. Минто**
Логика / В. Минто – М.: Книга по Требованию, 2017. – 250 с.

ISBN 978-5-458-24471-8

ISBN 978-5-458-24471-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СОДЕРЖАНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

	СТР.
I. Происхожденіе и задача логики	7
II. Логика, какъ средство для предупрежденія ошибокъ, или заблужденій. Внутренній софистъ	17
III. Аксиомы діалектики и силлогизма	25

К Н И Г А I.

Логика послѣдовательности—силлогизмъ и опредѣленіе.

Ч А С Т Ъ I.

Элементы предложеній.

I. Общія имена и связанная съ ними обозначенія	33
II. Разложеніе предложеній на термины путемъ свллогизмовъ. 1) Аналитическія формы. 2) Практика анализа при помощи силлогизмовъ. 3) Технические затрудненія	46

Ч А С Т Ъ II.

О п р е д ѣ л е н і е.

I. 1) Неудовлетворительное пониманіе словъ. 2) Проверка значенія словъ.—Діалектика. 3) Опредѣленіе значенія словъ.—Дѣленіе или классификація, опредѣленіе, названіе	61
II. Пять родовъ свазуемаго (Predicables). Словесныя и реальныя предложенія	75
III. Категоріи Аристотеля	79
IV. Споръ объ „Universalia“.—Трудности вопроса объ отношеніи общихъ именъ къ мышленію и дѣйствительности	85

Ч А С Т Ъ III.

Истолкованіе предложеній.

I. Теорія предложеній.—Теорія сужденій	92
II. „Противоположеніе“ предложеній.—Истолкованіе отрицаній	97
III. Скрытый смыслъ предложеній.—Непосредственныя формальныя умозаключенія.—Выводъ (eduction)	102
IV. Противоположность скрытаго смысла предложеній (counter-implication)	108

Ч А С Т Ь IV.

Взаимная зависимость предложений.

	стр.
I. Силлогизмъ	116
II. Фигуры и модусы силлогизма. 1) Первая фигура. 2) Второстепенная фигуры и ихъ отношеніе къ первой. 3) Сориты	119
III. Доказательство модусовъ силлогизма. — Правила силлогизма	128
IV. Приведеніе аргументовъ въ форму силлогизма	136
V. Энтимемы	142
VI. Полезное значеніе силлогизма	145
VII. Условные аргументы. — Гипотетическій силлогизмъ, раздѣлительный силлогизмъ и дилемма	148
VIII. Ошибки въ дедуктивныхъ аргументахъ. — <i>Petitio principii</i> и <i>ignoratio elenchi</i>	155
IX. Формальная или аристотелева индукція. — Индуктивный аргументъ. — Индуктивный силлогизмъ	162

К Н И Г А II.

Индуктивная логика, или логика наукъ.

Введеніе	165
I. Давняя опыта, какъ основанія для умозаключенія или раціональнаго убѣжденія	185
II. Установленіе простыхъ фактовъ въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ. — Личное наблюденіе. — Сужденіе на основаніи словъ очевидца. — Методъ провѣрки справедливости преданій	192
III. Установленіе фактовъ, находящихся въ причинной зависимости другъ отъ друга. — 1) <i>Post hoc ergo propter hoc</i> . — 2) Значеніе понятія при- чины. — Методы наблюденія. — Экспериментальные методы Милля	199
IV. Методы наблюденія. — Единственное различіе. 1) Принципъ единствен- наго различія. 2) Примѣненіе принципа	207
V. Методы наблюденія. — Исключеніе. — Единственное сходство. 1) При- нципъ исключенія. 2) Принципъ единственнаго сходства. 3) „Соеди- ненный методъ сходства и исключенія“ Милля	214
VI. Методы наблюденія. — Второстепенные методы. 1) Сопровождающія различія. 2) Единственный остатокъ	221
VII. Методъ объясненія. 1) Четыре стадіи процедуры мышленія. 2) Пре- пятствія къ объясненію. — Множественность причинъ и смѣшеніе дѣйствій. 3. Доказательство гипотезы	224
VIII. Дополнительные методы изслѣдованія. 1) Постоянство среднихъ. — Дополненія къ методу различія. 2) Презумпція вѣбслучайнаго совпа- денія	235
IX. Вѣроятное умозаключеніе по поводу частнаго случая. — Измѣреніе вѣроятности	242
X. Заключеніе по аналогіи	246

ВВЕДЕНІЕ.

I. Происхожденіе и задача логики.

Часто спрашиваютъ: съ чего надо начинать въ логикѣ? Трудность вопроса особенно чувствовалась въ XIX вѣкѣ, когда изученіе логики оживилось и усложнилось благодаря различнымъ цѣлямъ ученыхъ изслѣдователей.

Съ чего начиналъ основатель логики? Съ чего начиналъ Аристотель? Повидимому, это простѣйшій способъ разрѣшенія нашего вопроса, потому что система Аристотеля все еще образуетъ стволъ дерева логики, хотя отъ старыхъ корней пошло множество побѣговъ и кругомъ ствола появилось множество чужеродныхъ растений. Логика въ наше время напоминаетъ стихъ Борродэля:

An interwisted mass of fibres serpentine
Upcoiling and inveterately convolved ¹⁾.

Говорятъ обыкновенно, что логика въ теченіе двухъ тысячелѣтій сохранила тотъ видъ, въ которомъ ее оставилъ Аристотель. Логика являетъ собою примѣръ науки или искусства, доведенныхъ до совершенства сразу гениемъ основателя. Часто хотѣлось бы намъ, чтобы это было такъ; но существующее возрѣніе невѣрно. Большая часть терминологіи Аристотеля и его славныхъ формулъ удержалась въ наукѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ позднѣйшіе ученые сдѣлали различныя дополненія къ нимъ и различнымъ образомъ ихъ толковали, часто безъ всякой цѣли.

Одинъ кэмбриджскій математикъ хвасталъ своею новою теоремою, которой „никто никогда никоимъ образомъ не могъ воспользоваться для какой-либо цѣли“. Мысль эта находитъ себѣ примѣненіе въ позднѣйшему развитію логики. Мы могли бы сказать то же самое о позднѣйшемъ развитіи любого предмета, надъ которымъ трудились выдающіеся умы въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній, не имѣя въ виду никакихъ утилитарныхъ соображеній. Образователь-

¹⁾ Связка волоконъ, извивающихся во всѣ стороны и взаимно переплетающихся.

ныя науки—науки, предназначенныя къ воспитанію юныхъ умовъ—особенно легко могутъ уклоняться отъ первоначальной своей цѣли. Этому способствуетъ множество причинъ: удобства учителя и ученика, любовь къ новизнѣ, къ симметріи, къ тонкостямъ; лѣтность ума съ одной стороны и безпокойная дѣятельность его съ другой,— все это вліяетъ на традиціонное содержаніе науки безъ отношенія къ какой-либо цѣли. Такъ было и въ логикѣ: для людей съ неповоротливымъ умомъ трудные вопросы истолковывались и упрощались, тогда какъ болѣе развитые умы варьировали старыя формулы и производили надъ ними новыя и остроумныя манипуляціи, умножая старыя различія и употребляя ихъ точнѣе и симметричнѣе.

Прослѣдить эволюцію логическихъ формъ и теорій подъ вліяніемъ различныхъ причинъ въ періодъ активнаго развитія науки—это задача, которую легче задумать, нежели выполнить, которая далеко переходитъ границы вступительнаго очерка. Но даже тотъ, кто пишетъ для начинающихъ, долженъ признать, что общепотребительныя въ наше время формы развились изъ болѣе простыхъ элементовъ традиціи. Не входя въ детали процесса, можно указать его главныя стадіи и, такимъ образомъ, отыскать руководящую нить посреди лабиринта современныхъ теорій.

Какъ произошла Аристотелева логика? Она характеризуется главнымъ образомъ формами силлогизма. При какихъ обстоятельствахъ изобрѣлъ ихъ Аристотель? Для какой цѣли? Къ чему онъ предназначалъ ихъ? Постараемся уяснить себѣ это, и мы тогда опредѣлимъ первоначальную задачу, первоначальную сферу логики; мы поймемъ, какимъ образомъ эта сфера измѣнялась, сокращалась, расширялась и дополнялась.

Логика всегда претендовала на высокую роль „scientia scientiarum“, науки наукъ. Въ послѣднее время строителямъ этой Вавилонской башни угрожаетъ смѣшеніе языковъ. Мы избѣгнемъ этой опасности, если раскроемъ намѣренія основателя логики и позднѣйшихъ ея главныхъ строителей.

Аристотелева логика долгое время казалась міру чисто абстрактной иволированной наукой; мы съ трудомъ можемъ повѣрить, чтобы ея первоначальная форма была хоть сколько-нибудь опредѣлена условіями мѣста и времени. Въ насъ возбуждаетъ ужасъ, какъ святотатство, простой намекъ на то, что авторъ одного изъ величайшихъ и наиболѣе возвышенныхъ памятниковъ трансцендентальнаго мышленія былъ въ свое время и среди своего поколѣнія лишь выдающимся наставникомъ или руководителемъ школы, что логическія сочиненія его предназначались для усовершенствованія учениковъ въ особомъ искусствѣ, которымъ хотѣлъ блистать каждый честолюбивый молодой афинянинъ той эпохи. Но таковы факты, твердо установленные. Аристотелева логика, по своей первоначальной цѣли была такимъ же практическимъ руководствомъ, какъ трактатъ о мореплаваніи или „Кавендишъ о вистѣ“. Послѣднее сравненіе болѣе точно. Дѣйствительно, логика представляла собою гдѣ-то руководство къ модной въ то время умственной игрѣ, особой

манерѣ диспутовъ или діалектикѣ ¹⁾, игрѣ въ вопросы и отвѣты, которую подробно описалъ Платонъ въ своихъ діалогахъ, и которая отождествляется съ именемъ Сократа.

Мы можемъ обратить вниманіе главнымъ образомъ на умственную сторону игры и на высокія темы, которыхъ она касалась. Игра эта могла процвѣтать лишь въ средѣ народа, достигшаго высокой ступени умственнаго развитія; другой народъ не находилъ бы въ ней удовольствія. Аѳиняне и до сихъ поръ любятъ споры. Въ Аѳинахъ вы непременно поразитесь этимъ. Гдѣ-нибудь въ кофейняхъ или въ скверахъ, среди развалинъ Акрополя вокругъ двухъ спорщиковъ собираются группы народа; вы невольно вспоминаете Сократа и его друзей. Аѳиняне не говорятъ, какъ Жиль Блазъ и его ирландцы, съ жаромъ и раздраженіемъ, кончая споръ дракой. Они обсуждаютъ вопросы изъ любви къ искусству; публика сидитъ или стоитъ вокругъ спорящихъ, наслаждаясь пріятной игрой и испытывая тонкое удовольствіе при ударѣ или отраженіи. Никакой другой народъ не могъ бы спорить такъ, какъ греки, не доходя до драки. Это одна изъ характерныхъ чертъ греческаго населенія, которой оно обладало еще двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Около ста лѣтъ до того, какъ Аристотель достигъ зрѣлаго возраста, греки изобрѣли удивительно трудную, чисто умственную забаву, споры, въ которыхъ таился зародышъ логическихъ трактатовъ Аристотеля.

Чтобы получить ясное понятіе объ игрѣ въ вопросы и отвѣты, которую можно назвать „сократовской“ по имени славнаго ея основателя, надо прочесть нѣсколько діалоговъ Платона. Я изложу лишь схему игры, чтобы показать, насколько она пригодилась для анализа аргументовъ и предложеній Аристотеля.

¹⁾ Достоверно извѣстно — и это одно изъ доказательствъ важности, приписывавшейся, повидимому, пустой забавѣ —, что два логическихъ трактата великаго учителя, „Топика“ и „Софистическія опроверженія“, были написаны специально для руководства спорящихъ. Первый трактатъ сообщаетъ диспутанту свѣдѣнія относительно методической подготовки къ публичному обсужденію вопроса; если противникъ высказываетъ общепризнанныя положенія, то искусство диспутанта должно быть направлено къ тому, чтобы показать несомнѣстимость его утвержденій съ этими положеніями. Второй трактатъ представляетъ собою систематическое изложеніе софистическихъ фокусовъ, при помощи которыхъ иной разъ можно одержать видимую побѣду во время дебатовъ. Въ заключительной главѣ „Elenchi“ Аристотель, указывая не только на превосходство своего метода надъ эмпирическими методами соперниковъ — учителей, но и на полную его оригинальность, подчеркиваетъ силлогизмъ, какъ специальное и главное свое изобрѣтеніе. Силлогизмъ, чистыя формы котораго изложены въ первой „Аналитикѣ“, дѣйствительно образуетъ центръ логической системы Аристотеля; способы примѣненія его, — къ научнымъ истинамъ во второй „Аналитикѣ“ или къ общепризнаннымъ мнѣніямъ въ „Топикѣ“, не имѣютъ въ данномъ случаѣ значенія. Трактатъ объ истолкованіи, т. е. объясненіи смысла утвержденныхъ и признанныхъ противника, предшествуетъ силлогизму, сопоставленію сужденій. Даже въ полуграмматическомъ, полулгическомъ трактатѣ о „Категоріяхъ“ авторъ постоянно имѣетъ въ виду силлогистическій анализъ.

Выставляется тезисъ или предложеніе на обсужденіе, напримеръ: „знаніе есть не что иное, какъ чувственное воспріятіе“¹⁾; „совершать несправедливость хуже, нежели терпѣть ее“²⁾, „страсть къ живымъ не предосудительна“³⁾. Диспутантовъ двое, при чемъ они не говорятъ по очереди, какъ въ наше время, когда каждому оратору предоставляется произносить цѣлыя рѣчи. Одинъ изъ диспутантовъ исключительно задаетъ вопросы, другой отвѣчаетъ. Последний при этомъ можетъ говорить только: „да“ и „нѣтъ“; иногда разрѣшается небольшое поясненіе: съ своей стороны, спрашивающій можетъ предлагать только такіе вопросы, которые допускаютъ простой утвердительный или отрицательный отвѣтъ. Цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы вынудить у противника отвѣтъ, противорѣчащій утверждаемому тезису. Диспутантъ старается привести собесѣдника въ противорѣчіе съ самимъ собою. Конечно, только очень глупый противникъ сразу можетъ запутаться; диспутантъ предлагаетъ ему общіе принципы, аналогіи, примѣры изъ жизни; ведетъ его отъ одного сужденія къ другому, а затѣмъ, сопоставляя всѣ сужденія, вынуждаетъ его сознаться въ своей непослѣдовательности⁴⁾.

Посмотримъ теперь, какихъ результатовъ удалось достигнуть Аристотелю при помощи силлогизма, которымъ онъ гордился, какъ своимъ исключительнымъ изобрѣтеніемъ, и формулы котораго составляли постоянную принадлежность логики даже въ глазахъ тѣхъ, кто осмѣивалъ модусы и фигуры Аристотеля, какъ устарѣвшее суевѣріе. Представьте себѣ, что въ игрѣ въ вопросы и отвѣты вы играете роль диспутанта; въ чемъ можетъ помочь вамъ Аристотель со своимъ силлогизмомъ? Какъ показываетъ самое слово, силлогизмъ приходитъ вамъ на помощь, лишь послѣ того какъ вы получили извѣстное число положеній, пожелали соединить ихъ вмѣстѣ, пожелали показать ихъ отношеніе къ обсуждаемому тезису, уяснить ихъ взаимную зависимость, опредѣлить въ нихъ элементы отстаиваемаго вами принципа. Сущность силлогизма состоитъ именно въ томъ, чтобы привести допущенныя положенія къ общимъ терминамъ, къ извѣстнымъ типамъ или формамъ, которыя тождест-

¹⁾ Теететъ, 151 Е.

²⁾ Горгій, 473 Д.

³⁾ Гиппархъ, 225 А.

⁴⁾ Въ своемъ главномъ и первоначальномъ значеніи это былъ способъ дебатовъ, поединокъ между двумя лицами, публично сражавшимися остроуміемъ. Но эта же формой можно было пользоваться, и Сократъ дѣйствительно ею пользовался, не для споровъ, а для того чтобы показать, какія слѣдствія вытекаютъ изъ нѣкоторыхъ положеній или основныхъ принциповъ и, такимъ образомъ, придать опредѣленный и ясный характеръ смутнымъ элементамъ знанія. Соглашаясь съ предложеніями, мысль удерживала ихъ въ памяти, и діалектика, такимъ образомъ, дѣлалась цѣннымъ орудіемъ для обученія юношества и изложенія идей вообще. Но закона бы ни была цѣль діалектики, — побѣда ли въ спорѣ или научное изслѣдованіе основныхъ принциповъ, — „эволюціи природенныхъ члвчскѣку ковцепцій“, — главный интересъ во всякомъ случаѣ сосредоточивался на силлогизмахъ, на взаимномъ сопоставленіи предложеній, признанныхъ или допущенныхъ отдѣльно другъ отъ друга.

венны между собою или другъ отъ друга зависятъ. Аристотель сообщалъ своимъ ученикамъ также свѣдѣнiя относительно тактики игры, но главное его открытiе заключается въ указанiи формы или типа допущенiй, которыя мы должны стараться получить отъ противника, и въ уясненiи дальнѣйшаго процесса разработки достигнутыхъ результатовъ.

На примѣрѣ можно видѣть, въ чемъ состоитъ вспомогательная роль силлогизма, и какое она имѣетъ значенiе. Чтобы не заходить далеко, мы возьмемъ примѣръ не изъ Платона, у котораго темы часто кажутся намъ теперь искусственными; воспользуемся тезисомъ XVIII вѣка, знаменитымъ парадоксомъ Мандевилля, который можно еще доказывать, хотя многiе считаютъ его безнравственнымъ: „пороки отдѣльныхъ лицъ полезны обществу“. Возьмитесь защищать этотъ парадоксъ; вы легко найдете собесѣдника, готоваго отстаивать противное. Простые люди, вродѣ тѣхъ, которыхъ Сократъ подвергалъ перекрестному допросу, сразу заявятъ вамъ, что порокъ есть порокъ и никогда не можетъ никому принести добра. Вашъ собесѣдникъ просто отрицаетъ ваше положенiе: онъ утверждаетъ, что пороки частныхъ лицъ никогда не приносятъ пользы обществу; онъ не вѣритъ, чтобы вы могли заставить его признать что-либо иное. Ваша задача состоитъ въ томъ, что-бы какимъ-либо способомъ принудить его согласиться, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ порочныя склонности частнаго лица могутъ оказать услугу государству. Этого достаточно: вы не должны доказывать справедливости вашего положенiя относительно всѣхъ пороковъ. Одного примѣра достаточно, чтобы опровергнуть общее отрицанiе вашего противника. Конечно, нельзя думать, что онъ сдѣлаетъ необходимо вамъ признанiе прямо: вы должны стремиться къ цѣли окольными путями. Вы знаете, на примѣръ, что противникъ вашъ довѣряетъ епископу Бутлеру, какъ моралисту. Напомните ему слова Бутлера: „Стремленiя къ общему и частному благу не только не исключаютъ другъ друга, но даже взаимно способствуютъ другъ другу“. Допускаетъ онъ это?

Можетъ быть, нужно сдѣлать какое-либо небольшое разъясненiе или привести какой-нибудь примѣръ, для того чтобы вашъ собесѣдникъ понялъ вашу мысль. Этого вопроса тоже касались правила игры. Вы приводите примѣры и каждый разъ спрашиваете у него: „да,“ или „нѣтъ“. Представьте себѣ, что кто-нибудь вступаетъ въ парламентъ, не изъ рвенiя къ общему благу, а изъ простаго тщеславiя или ради своихъ личныхъ цѣлей. Можетъ-ли такой человекъ оказать добрую услугу государству? Еще примѣръ. Молочникъ всячески старается держать молоко въ чистотѣ, не потому что заботится объ общественномъ здоровьѣ, а потому что это ему выгодно; будетъ-ли отъ этого польза обществу?

Положимъ, что на эти вопросы вы получили утвердительные отвѣты; въ результатѣ вы добились отъ вашего собесѣдника признанiя того, что нѣкоторые поступки, совершаемые ради личныхъ цѣлей, приносятъ пользу обществу; что еще вамъ нужно, чтобы

одержатъ побѣду надъ противникомъ? Вамъ, конечно, выгодно было бы знать, что дѣлать дальше, но вмѣстѣ съ тѣмъ вы должны стремиться къ цѣли окольными путями, прикрываясь всякаго рода выраженіями. Это-то преимущество и давалъ намъ методъ Аристотеля. Диспутавтъ, знакомый съ его анализомъ, сразу видѣлъ, что если ему удастся принудить собесѣдника признать, что всѣ дѣйствія, предпринятая ради личныхъ цѣлей, порочны, то побѣда за нимъ обезпечена; вмѣстѣ съ тѣмъ для него было ясно, что иныхъ средствъ въ его распоряженіи не имѣется.

Тутъ читатель можетъ возразить мнѣ, что все это понятно безъ помощи Аристотеля; всякій могъ бы замѣтить это, не подозревая даже, что такой пріемъ на языкѣ Аристотеля носить названіе силлогизма, построеннаго по способу Вокардо. Я оставляю въ сторонѣ этотъ вопросъ. Я вовсе не имѣю въ виду въ данномъ случаѣ защищать методъ Аристотеля. Я хочу только иллюстрировать способы употребленія силлогизма. Возможно, однако, что если бы Аристотель не научилъ людей своему анализу, то никто изъ насъ не могъ бы такъ быстро и ясно различать послѣдовательность или непослѣдовательность идей, какъ мы это дѣлаемъ теперь.

Но вернемся къ нашему примѣру. Въ качествѣ ученика Аристотеля, вы въ данномъ случаѣ замѣтили бы, что признаніе вашего тезиса должно зависѣть отъ опредѣленія добродѣтели и порока. Вы поэтому въ дальнѣйшемъ должны предложить вашему собесѣднику рядъ вопросовъ, касающихся опредѣленія понятій добродѣтели и порока. Вамъ нельзя спрашивать противника, что онъ понимаетъ подъ добродѣтелью или подъ порокомъ. Согласно правиламъ діалектики, вы обязаны предлагать опредѣленія и каждый разъ спрашивать у противника: „да“ или „нѣтъ“. Вы, на примѣръ, спросите его, согласенъ-ли онъ съ опредѣленіемъ Шефстбюри, который полагаетъ, что добродѣтельный поступокъ совершается исключительно для блага другихъ. Если онъ согласенъ, то значитъ дѣйствіе, въ которомъ можно подозревать какой-либо своекорыстный мотивъ, нельзя относить къ разряду добродѣтельныхъ. Если далѣе вашъ собесѣдникъ согласится, что всякое дѣйствіе должно быть или порочнымъ или добродѣтельнымъ, то вы собрали достаточно матеріала для доказательства своего первоначальнаго тезиса. Чтобы сдѣлать побѣду очевидной, вамъ остается только надлежащимъ образомъ оформить всѣ положенія.

Нѣкоторыя дѣйствія, предпринятая изъ эгоистическихъ соображеній, полезны для общества.

Всѣ дѣйствія, предпринятая изъ эгоистическихъ соображеній, принадлежатъ къ числу порочныхъ.

Изъ этихъ посылокъ неизбѣжно вытекаетъ, что

Нѣкоторые пороки частныхъ лицъ полезны для общества.

Этотъ примѣръ можетъ уяснить намъ, для какихъ диспутовъ предназначалась логика Аристотеля, и указать способы и границы ея первоначальнаго примѣненія.

Чтобы получить ясное понятіе о примѣненіи этой логики и опредѣлить, насколько она соотвѣтствуетъ современнымъ условіямъ, мы должны разсмотрѣть, что нужно было знать спорящимъ сторонамъ въ игрѣ. Имъ нужно было знать все, что необходимо подразумѣвается въ каждомъ предложеніи, все, что подразумѣвается въ двухъ предложеніяхъ, вмѣстѣ взятыхъ, при какихъ условіяхъ и въ какой мѣрѣ одно утвержденіе исключаетъ другое, когда одно утвержденіе неизбѣжно заключаетъ въ себѣ другое, когда два утвержденія неизбѣжно заключаютъ въ себѣ третье. Для всего этого, очевидно, необходимо было основательно изучить терминологію, чтобы избѣгнуть недоразумѣній изъ-за неясности языка.

Вполнѣ понятно, что силлогистическая логика или логика послѣдовательно ти вышла изъ діалектики утвержденія и отрицанія („Yes-and No Dialectic“). Все въ нашемъ мѣрѣ приходитъ тогда, когда въ немъ ощущается потребность; всѣ изобрѣтенія возникаютъ подъ вліяніемъ необходимости. Въ спорахъ древнихъ грековъ необходимо было главнымъ образомъ не вступать въ противорѣчіе съ самимъ собою: оставаться всегда послѣдовательнымъ. Ловкій собесѣдникъ выставлялъ одно положеніе за другимъ и принуждалъ васъ соглашаться, выбирая при этомъ особыя выраженія, для того чтобы точнѣе указать ваши предразсудки и довести васъ до противорѣчія съ самимъ собою. Безусловно необходимо было имѣть „органонъ“ орудіе или ученіе, которое указывало бы отвѣчающему средства самозащиты и руководило бы спрашивающимъ, выясняя ему, къ какимъ результатамъ приводитъ то или другое утвержденіе. Спустя вѣкъ, послѣ того какъ игра вошла въ моду, геній Аристотеля угадалъ, что для нея нужно было; при этомъ, безъ сомнѣнія, онъ имѣлъ въ виду и постороннія цѣли, возникшія изъ приложенія діалектики къ различнаго рода научнымъ вопросамъ.

Своей законченностью система Аристотеля, безъ сомнѣнія, обязана отчасти пытливому характеру діалектики, отъ которой она произошла. Никакой другой способъ вести споръ не требуетъ отъ диспутанта такой умственной ловкости и точности и не приспособленъ такъ хорошо къ раскрытію схемы аргументовъ.

Логическіе трактаты Аристотеля примѣнялись и тогда, когда вызвавшая ихъ мода прошла ¹⁾. Ясность и послѣдовательность

¹⁾ Какъ всякая другая мода, діалектика утвержденія и отрицанія имѣла свои періоды расцвѣта и упадка. Изобрѣтеніе ея приписывается Зенону Элеатскому, извѣстному своими вопросами и отвѣтами; дѣятельность Зенона относится къ срединѣ V вѣка до Р. X. Сократъ (469—399) былъ въ цвѣтѣ лѣтъ при началѣ великой Пелопоннесской войны, когда умеръ Периклъ, въ 429 году. Въ томъ же году родился Платонъ, жившій до 347 года; его преподаваніе въ „масличныхъ аллеяхъ Академіи“ нача-

мышления, умѣніе обращаться съ запутанными и двусмысленными выраженіями, открывать тождество смысла въ различныхъ оборотахъ рѣчи и сразу схватывать все, что подразумѣвается въ каждомъ предложеніи, всѣ выводы, которые можно изъ него сдѣлать,— все это находить себѣ примѣненіе всегда и при всякихъ обстоятельствахъ. Въ новѣйшее время главной задачей логики считается „освобожденіе разума отъ тѣхъ заблужденій, которыя обусловливаются неясностью и запутанностью непослѣдовательнаго мышленія ¹⁾“. Этимъ прекрасно характеризуется отрасль логики, ближе всего примыкающая къ Аристотелевой традиціи.

Границы и способы примѣненія логики Аристотеля опредѣляются условіями ея происхожденія. Обѣ спорящія стороны одинаково были заинтересованы главнымъ образомъ опредѣленіемъ взаимной зависимости высказанныхъ положеній. Разъ собесѣдникъ утвердительно отвѣтилъ на вопросъ, то обязанъ былъ признать все, что въ немъ подразумѣвалось. Онъ долженъ былъ допускать всѣ послѣдствія того положенія, съ которымъ согласился. Съ точки зрѣнія факта, оно могло быть истиннымъ или ложнымъ,— все равно онъ былъ имъ связанъ: истинность или ложность даннаго утвержденія не имѣла значенія для диспутанта. Съ другой стороны, спрашивающій не долженъ былъ переступать границы высказанныхъ противникомъ утверженій. Часто указывали какъ на недостатокъ силлогизма, что заключеніе въ немъ не идетъ дальше посылокъ; были также остроумныя попытки доказать, что на самомъ дѣлѣ заключеніе содержитъ въ себѣ нѣчто большее, нежели посылки. Съ точки зрѣнія первоначальнаго примѣненія силлогизма, это его свойство—не переступать границы высказанныхъ положеній—было не недостаткомъ, а неизбѣжнымъ слѣдствіемъ отношеній. Спрашивающій, поступая справедливо, могъ пользоваться только тѣмъ, что призналъ его собесѣдникъ. Развивать мысль онъ могъ только при помощи аргументаціи; если его заключеніе содержало въ себѣ нѣчто большее, чѣмъ, посылки, то превращалось въ софистическій приѣмъ; противникъ могъ взять назадъ свои слова и не соглашаться съ доводами диспутанта. Онъ былъ обязанъ держаться лишь высказанныхъ положеній; ничто не заставляло его дѣлать хотя бы одинъ шагъ впередъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, насколько ошибочно считать логику Аристотеля „органомъ“ истины или критеріемъ заблужденія. По крайней мѣрѣ, въ первое время, не было ничего

лось около 386 года. Аристотель (384—322), воспитатель Александра Великаго, основалъ свою школу въ Ликее, когда Александръ сдѣлался царемъ въ 336 году и началъ свою карьеру завоевателя. Что диалектика утвержденія и отрицанія въ то время играла выдающуюся роль, объ этомъ свидѣлствуютъ логическіе трактаты Аристотеля. Дальнѣйшая исторія игры темна. Вѣроятно, что подробное изложеніе Аристотелемъ ея законныхъ методовъ и незаконныхъ приѣмовъ способствовало прекращенію интереса къ ней, какъ къ забавѣ.

¹⁾ *Hamilton*, „Lectures“, III, стр. 87.